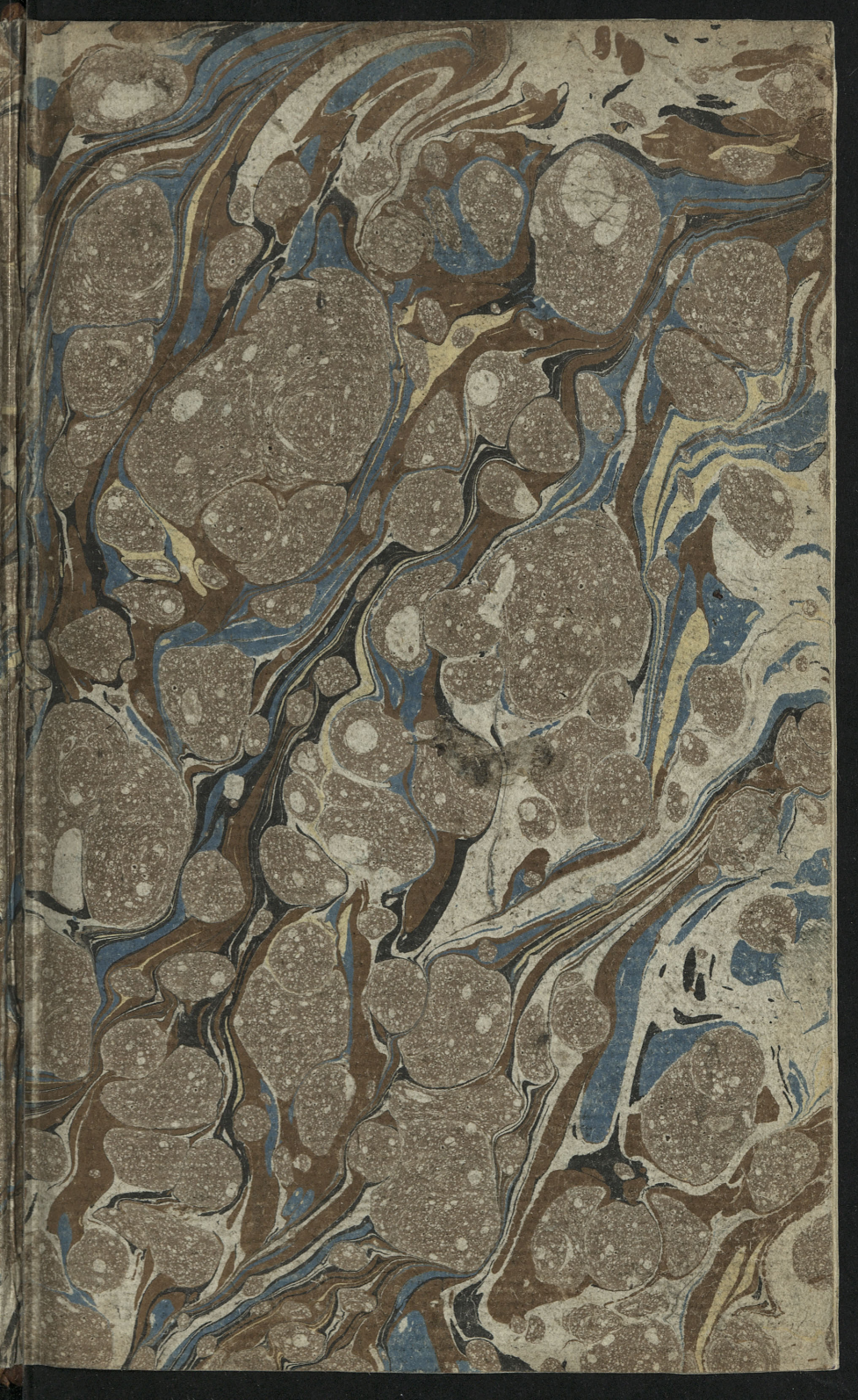

1963

10 р.

8299

N 73698

H-313

ф 1-72
16298

БАСНИ

Ивана Крылова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Губернскаго Правленія.

1809.

Съ дозволенія Санктпетербургкаго Цензурнаго Комитета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Ворона и лисица. - -	1
II.	Дубъ и трость. - - -	3
III.	Музыканты. - - -	5
IV.	Два голубя. - - - -	6
V.	Лягушка и волъ. - -	11
VI.	Ларчикъ. - - - -	12
VII.	Моръ звѣрей - - -	14
VIII.	Пѣтухъ и жемчужное зерно.	18
IX.	Невѣста. - - - -	19
X.	Волкъ и ягненокъ. - -	22
XI.	Парнасъ. - - - -	24
XII.	Левъ и комаръ. - -	26
XIII.	Стреказа и муравей. -	28
XIV.	Оракулъ. - - - -	30
XV.	Левъ на ловлѣ. - - -	32
XVI.	Роща и огонь. - - -	34
XVII.	Лягушки просящія царя. -	36
XVIII.	Человѣкъ и левъ. - -	40
XIX.	Старикъ и трое молодыхъ	43
XX.	Орелъ и куры. - - -	46

XXI. Муха и дорожные. - - 48
XXII. Обезьяны. - - - - 50
XXIII. ПустынникЪ и медвѣдь. - 52

БАСНИ

I.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна ; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отъищетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
Ворона сидя на суку
Сбиралась ужъ клевать кусочикъ свой сырку,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала;
На ту бѣду лиса близехонько бежала.
Вдругъ сырной духъ лису остановилъ;
Лисица видитъ сыръ — лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша :
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!

Какой умильненькой носокъ!
И вѣрно Ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, нестыдись, будь съ лисынькой
дружнѣе;
Я чай вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе.
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу духъ сперло;
И вздумавъ оправдать лисицыны слова,
Ворона каркнула во все воронье горло.
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Тростинкѣ, какъ-то дубъ изволилъ сдѣлать честь,
Съ ней разговоръ завесть.
Куда тебя обидѣла природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мѣлкой рябью лишь погода,
Подернетъ по водѣ съ легка,
Нагнешся такъ ты сиротливо.
Не такъ, какъ я — чело подъемля горделиво,
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви вкругъ мои разпространяю —
Долинамъ цѣлымъ вдѣсь я солнце заслоняю,
И посмѣваяся порывамъ злѣйшихъ бурь,
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди спихій войны.
Какъ разно мы съ тобой сотворены! —
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотябъ ужъ ты въ окружности росла
Моею тѣнію покрытой,
То былъ бы я тебѣ защитой.
Но васъ природа разнесла,
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья.
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья.

Ты очень жалостливъ, сказала трость въ отвѣтъ,
Однако не крушись; мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты; такъ, ты еще не уклонялъ лица,
Какъ здерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя, досель всѣ силы ихъ напрасны;
Но подождемъ конца.
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
Взвивая пыль столбомъ рѣвущій Аквилонъ —
Уперся дубъ; къ землѣ простиночка припала —
Бунтуетъ ветръ — всѣ силы собралъ онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ,
Тово, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ
И заманилъ къ себѣ сосѣда нѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова
И у кого, что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрѣщало
И завертѣлась голова.
Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ,
Чемъ любоваться тутъ? — твой хоръ
Горланитъ вздоръ.
То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ,
Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнова не беруть,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.
А я скажу: — по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ,
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грусно имъ, а скучно не бывало.
Ну кажется куда бъ хотѣть,
Или отъ милой, иль отъ друга.
Нѣтъ; вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть.
Диковинки земнова круга
Судить и видѣть самъ собой;
Ложъ съ истинной сличить, повѣрить быль съ молвой.
Во снѣ и на яву походъ лишъ видитъ свой,
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть.
Куда ты? Говоритъ сквозь слезъ ему другой —
Иль братца хочешь ты покинуть? —
Жестокой! ежели меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все чемъ странствія опасны;
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль,
Ужь я тебя тогда упрашивать не буду.
Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ —

Да чу! — И воронъ прокричалъ;
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься, другъ любезной мой!
Ну намъ вѣдь весело съ тобой —
Кудажъ еще тебѣ летѣть — не разумѣю —
А я такъ безъ тебя совсемъ осиротѣю.
Силки, да ястреба, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и вснѣ.
Все стану надъ тобой бояться я нещастья.
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ
ненастья?
Разтрогала речь эта голубка,
Жаль братца; да летѣть охота велика,
И разсуждать ему и чувствовать мѣшаетъ.
Не плачь, мой милой! такъ онъ друга утѣшаетъ,
Я на три дни съ тобой, не больше, разлучусь,
Все на скоро въ пути замечу — на полетѣ —
И лучшіе узнавъ диковинки на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко.
Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко;
Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво! —
Ты слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будтобъ самъ леталъ сомной въ той
сторонѣ

По сихъ словахъ друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу дождь и громъ.
Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? — Къ щастію засохшій дубъ попался;
Кой какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;
Но ни отъ вѣтровъ онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись — весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встрянхнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ
Въ заглушьѣ подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка,
Спустился — въ сѣти тутъ попалась наша птичка;
Бѣды совсѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По щастью сѣть стара, кой какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ да крылышло помялъ,
Но не до нихъ — онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отъ коль ни взялся ястребъ злой.

Не взвидѣлъ свѣта голубь мой.
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ! силы въ коротцѣ совсемъ истощены,
Ужъ когти хищныя надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ нево съ широкихъ крыльевъ пашетъ.
Тогда Орелъ съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястребя всей силой,
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ голубь милой
Въ низъ камнемъ ринувшись прижался подъ плѣтнемъ.
И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ.
Малчишка въ близости рѣзвился:
Набравши камушковъ онъ въ цѣль метать учился
И чтобъ узнать, вѣрналь рука,
Хвать камнемъ въ голубка.
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ — съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою
Кленя охоту видѣть свѣтъ,
Кое-какъ поплелся домой безъ новыхъ бѣдъ,
Щастливъ еще: ево тамъ дружба ожидаетъ.
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лѣкаря, и помощъ видитъ въ ней,

Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.
О вы которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите
И въ дальной путь такой пускайтеся не вдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но вѣрте той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

V.

ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка на лугу увидѣвши вола,
Запѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться,
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
Смотритко квакушка, что, будуль я съ нево?
Подругѣ говоритъ — нѣтъ кумушка далёко —
Глядиже какъ теперь раздуюсь я широко —
Ну каково!
Пополнилась ли я? — почти что ничево! —
Ну какъ теперь? — все тожъ — пыхтѣла,
да пыхтѣла,
И кончила моя запѣйница на томъ,
Что не сравнявшися съ воломъ,
Съ на шуги околѣла.

VI.

ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.
Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ,
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза метался,
Ну всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался,
Какъ входитъ въ комнашу механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ онъ сказалъ: ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть — да, да увѣренъ въ этомъ;
Несмѣйтесь такъ изъ подтишка;
Я отъищу секретъ и ларчикъ вамъ открою.
Въ механикѣ и я чево нибудь да стою.
Вотъ, за ларецъ принялся онъ;
Вертитъ ево со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ,
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ глядя на нево, иной
Качаетъ головой,
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:

Не тутъ — не такъ — не тамъ — механикъ
пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но на конецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ
И какъ открыть ево, ни какъ не догадался —
А ларчикъ просто открывался.

VII.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичь небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ — уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настижь двѣри.
Смерть рыщетъ по полямъ, порвамъ повысямъ горъ;
Вездѣ размѣтаны ее свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячѣ валится ихъ,
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части ждя, чуть бродятъ полумертвы.
Тѣжъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса поспишися въ подземелье;
И пища имъ на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь въ розь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ сей крайности — совѣтъ звѣрей сзываетъ лебъ;
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души,
Сбрелись и въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.

О други! началъ левъ, помножеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ
болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Дозволитъ принести себя на жертву имъ —
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многія въ исторіи примѣры.
И такъ
Пусть всякъ
Подробно здѣсь раскажетъ,
Ково въ чемъ совѣсть вяжетъ.
Покаемся, мои друзья!
Охъ! признаюсь, не правъ и я;
Овечекъ бѣдненькихъ, за что?, со всѣмъ без-
винно,
Диралъ безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось дралъ и пастуха.
И въ жертву отдаюсь охотно — только сперва
Не худобъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесть;
На комъ ихъ болѣ есть,
Тово-бы въ жертву и принесть:
Онъ правосудію прямая будетъ жертва.

О царь! нашъ доброй царь! отъ лишней доб-
роты,
Лисица говоритъ, въ грѣхъ это ставишь ты.
Къ чему щадить овецъ? — Я думаю безъ лести;
И всѣ тожъ скажутъ здѣсь, хоть самъ спро-
сить изволь,
Для твари глупой, подлой толь,
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ
Ихъ чаще такъ учить — имъ это по дѣломъ.
Безхвостой этотъ родъ лишь глупой спѣсью
дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ.
Окончила лиса, за ней, на тотъ же ладъ
Льстецы льву тоже говорятъ;
И всякой доказать спѣшитъ на перехватъ.
Что даже не въ чемъ льву просить и разрѣ-
шенья.
За львомъ медвѣдь — и тигръ и волки въ свой
черёдъ
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Ни кто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.

Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мы.
читъ: и мы
Грѣшны, тому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы;
На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ —
Ни гдѣ себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стогу у попа я клокъ сѣнца стянулъ.
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки.
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! — ну, диво ли что боги,
За беззаконіе ево къ намъ столько строги? —
Ево безчинника съ рогатой головой,
Ево принесть богамъ, за всѣ ево проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы.
По немъ у насъ и моръ такой.
Приговорили,
И на костеръ вола взвалили. —
И въ людяхъ такъ же, говорятъ,
Кто по безсильнѣе, такъ тотъ и виноватъ.

VIII.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Нашелъ пѣтухъ жемчужное зерно
И говоритъ: куда оно
Какая
Вещь пустая!
Ну что за прибыль, что на взглядъ.
Ячменнова зерна собою повиднѣе;
Я право въ двое былъ бы радъ,
Когда бы что нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
Невѣжи судятъ точно такъ:
Чево не возмутъ въ толкъ, то все у нихъ
пустякъ.

IX.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ ленташъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ.
(Красавица была немножко прихотлива)
Ну, чтобы все имѣлъ; кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть;
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она щастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ;
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ,
А тотъ бы и въ чинахъ; да всѣ карманы пусты!
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ эдакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ ни кто по мысли ей никакъ.

По смолкли женихи — годка два перепали,
Другіе новыхъ свахъ заслали;
Да только женихи середней ужъ руки.
Какіе дураки!
Твердитъ красавица, по нихъ ли я невѣста!
Ну, право ихъ затѣи не у мѣста. —
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойдуль я за ково, изъ этихъ чудаковъ!
Какъ будтобъ я себя замужствомъ торопила!
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела.
День весела — и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться совсѣмъ мнѣ не пристойно
Толпа и эта уплыла.
Потомъ отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ
Никто нейдетъ.
Еще минулъ годокъ — еще уплылъ годъ цѣлой;
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ —
(А ей считать большой досугъ)
Та за мужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришъ — зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь

Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ,
Улыбки, рѣзвостик акъ будто ускользнули, —
Тамъ волоска два три сѣдые проглянули.
Бѣда со всѣхъ сторонъ.
Бывало безъ нее собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ? —Ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ.
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ:
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться.
Перестаетъ она гордиться.
Какъ женщина на насъ ни изкоса глядитъ;
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Соскуча жизнь вести унылу, одинаку,
Красавица ко браку,
Короче путь взяла
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за каляку.

X.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнова всегда безсильной виноватъ.
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.
Ягненокъ въ жаркой день зашелъ къ ручью напиться,
И надо-же бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ — на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ — какъ смѣешъ ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ.
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву —
Когда свѣтлѣйшій волкъ замѣтить удостоитъ,
Ягненокъ отвѣчалъ, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости ево шаговъ я на сто пью,
То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоитъ,
И вамъ питья мутить никакъ я не могу —
По этому я лгу! —
Бездѣльникъ! — слыханаль такая дерзость въ свѣтѣ! —

Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ,
Я этова пріятель не забылъ —
Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоритъ — такъ это былъ твой братъ —
Нѣтъ брата у меня — такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ кто нибудь изъ вашева же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи;
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И естьли можете, то мнѣ всегда вредите —
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.
Ахъ! я чѣмъ виноватъ — молчи — усталъ я слушать —
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать —.
Сказалъ — и въ темной лѣсъ ягненка поволокъ.

XI.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали;
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали.
Хозяинъ новой сталъ пасти на немъословъ.
Ослы не знаю какъ-то знали,
Что прежде Музы тутъ живали
И говорятъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать Музы свѣту надоѣли
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Одинъ изъ нихъ, кто болѣ былъ востеръ
Кричитъ: друзья! робѣть не надо —
Вы видите насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ.
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ;
А что бы нашева не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ,
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинова пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.
Одобрили ослы ослово
Красно — хитро — сплетенно слово,
И новой хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,

Въ которомъ тысячу немазаныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.
Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье,
Что, если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XII.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабова обидѣть не моги:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ не свою ты силу не надѣйся;
Послушай здѣсь,
Какъ больно комаромъ наказанъ левъ заспѣсь;
Вотъ слухъ какой о томъ, дошолъ мнѣ стороною.
Сухое къ комару явилъ презрѣнье левъ,
Зло взяло комара — обиды на стерпѣвъ
Собрался, поднялся комаръ на льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачь пищитъ во всю гортань
И вызываетъ льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ;
То съ тылу, то съ лица, то въ уши льву онъ трубитъ.
И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча
Орломъ на льва пустился.
И льву въ крестецъ всемъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ комаръ! да онъ же и не труситъ.

Льву сѣлъ на самой лобъ и львину кровь со-
сетъ.
Левъ голову крутитъ, левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ.
То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва
укуситъ.
Вздурился левъ,
Престрашной поднялъ ревъ.
Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ.
Взоръ искрой засверкалъ; бьетъ у рту пѣна
клубомъ.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей, все кроется,
бѣжитъ;
Отъ коль у всѣхъ взялися ноги;
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ,
И ктожъ? комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.
Рвался, метался левъ и выбившись изъ силъ.
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость комаръ — льва жалуетъ
онъ миромъ.
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XIII.

СТРЕКАЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья стреказа
Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле!
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ,
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стреказа ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ придетъ
На желудокъ пѣть голодной?
Злой тоской удручена
Къ муравью ползетъ она.
Не оставь меня кумъ милой,
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вѣшнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй —
Кумушка, мнѣ странно это;
Да работалаль ты въ лѣто?
Говоритъ ей муравей.
До товоль голубчикъ было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ,

Пѣсни, рѣзвость всякой часъ —
Такъ, что голову вскружило? —
А! такъ ты? — Я безъ души,
Лѣто цѣлое все пѣла —
Ты все пѣла? — это дѣло —
Такъ поди же поплящи.

XIV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянной богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты;
За то отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ.
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И фиміамомъ задушенъ.
Въ оракула всѣ вѣрятъ слѣпо,
Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
Заговорилъ оракулъ вздоръ,
Сталъ отвѣчать не складно и нелѣпо,
И кто къ нему за чемъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ то совретъ.
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда въ немъ умъ дѣвался?
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,
Пока былъ умной жрецъ кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ нево дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ, правдаль, будто въ старь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XV.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, левъ, да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой,
Между собой
Зарокъ всѣ положили,
Чтобъ имъ звѣрей съ обща ловить.
И что наловится, все поровну дѣлить
Не знаю какъ и чемъ, а знаю, что сначала,
Лиса оленя поймала.
И ну скорѣй къ товарищамъословъ,
Чтобъ шли дѣлить щастливой ловъ —
Добыча право не дурная! —
Пришли — пришелъ и левъ — онъ когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ разполагаетъ,
И говоритъ: мы братцы въ четверомъ,
И на четверо онъ оленя раздираетъ. —
Теперь давай дѣлить — смотрите же, друзья! —
Вотъ эта часть моя,
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору,

Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто
протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

XVI.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Бываетъ, что корысть себя подъ дружбой кроетъ,
Тогда она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истинну понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.
Зимою огонекъ подъ рощей тлился,
Какъ видно тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился,
Дровъ новыхъ нѣтъ, огонь мой чуть горитъ,
И видя свой конецъ такъ рощѣ говоритъ:
Скажи мнѣ, роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсемъ нагая?
За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу —
Огню такъ роща отвѣчаетъ —
Все это ни чево — огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою

Чудесъ не менше солнца строю;
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ.
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ.
А все, за все спасибо мнѣ;
Хвалить себя хоть не пристало;
Однако же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь,
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
И такъ когда зимою,
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ.
Вотъ дѣло слажено — ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ — огонь не дремлетъ.
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ,
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ
И пламя лютое всю рощу вкругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ. — И тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пѣньки стоятъ одни.
И не чему дивиться, —
Какъ дереву съ огнемъ дружиться! —

XVII.

ЛЯГУШКИ ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсемъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить;
Чтобъ горю пособить,
Пришли къ Юпитеру царя они просить;
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ.
Далъ имъ царя — летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ
И плотно такъ онъ трепнулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ помѣтались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ;
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо,

Царь этотъ былъ, осиновой чурбанъ.
Съ начала чтя ево особу превысоку,
Не смѣетъ подступишь изъ подданныхъ никто;
Чуть смѣютъ на нево глядѣть они — и то
Украдкой, изъ дали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которомубъне приглядѣлся свѣтъ;
То и они сперва отъ страха отдохнули,
По томъ къ царю подполсть съ преданностью дерзнули.

Сперва передъ царемъ ничкомъ,
А тамъ кто посмѣлѣй; дай сѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще по удалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Не много погодя посмотришь; кто захочетъ,
Тотъ на нево и вскочитъ.
Въ три дни наскучило съ такимъ царемъ житье:

Лягушки снова за вытье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,

Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инова нрава:
Не любитъ баловать народа своево;
Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судѣ ево,
Нѣтъ правыхъ ни ково.
За то ужъ у нево,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черной годъ.
Въ лягушкахъ каждой день великой недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ
И всякова, ково ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежнева и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя инова,
Что нынѣшній ихъ царь, глотаетъ ихъ какъ мухъ,
Что даже имъ не льзя, какъ это не ужасно!
Ни носу выставить, ни квакнуть безопасно,
Что наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
По чтожъ вы прежде жить счастливо не умѣли,
Безумные! вѣщалъ имъ съ неба гласъ.
Не мнѣ ли не было ни гдѣ житья отъ васъ?

Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли? —
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ
слишкомъ тихъ —
Вы взбунтовали въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень
лихъ —
Живитежь съ нимъ, чтобъ не было вамъ
хуже.

XVIII.

ЛЕВЪ и ЧЕЛОВѢКЪ.

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясной здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое. —
Раскинувши тенета межь деревъ
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ самъ въ лапы льву попался —
Умри презрѣнна тварь! Взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на нево свой зѣвъ.
Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишся царемъ?
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрналь съ крѣпостью твоей такая гордость?
Не сила разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
И я хвалишься смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь отступить. —

О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слу-
шать —
Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А впрочемъ ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни — между деревьевъ сихъ,
Трудовъ моихъ
Разкинуту ты видишь паутину —
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда прой-
детъ? —
Коль хочешь, я пролезу напередъ;
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой
чередъ,
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едваль пройдешь за
мною.
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
Ступай туда, сказалъ надменно левъ;
Въ мигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.
Тутъ мой ловецъ не тратя лишнихъ
словъ
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять го-
товъ —
Какъ изъ лука стрѣла левъ въ слѣдъ за нимъ
пустился,
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился:

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался — (ловецъ тутъ кончилъ споръ
и дѣло)
Искуство силу одолѣло.
И бѣдной левъ погибъ.

XIX.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Какой-то старичокъ развесть задумалъ садъ.
Пускай бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ вонъ глядишь изъ свѣта?
Какой тутъ складъ!
Ну право дожилъ ты старинушка до дѣтства!
Не двѣстижь лѣтъ въ твоемъ написаны вѣку.
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
И продолжали вновь, смѣясь его трудамъ:
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ.
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться по не многу
Очистить мѣсто для другихъ.
Оставь ужъ молодымъ заботы,
Гдѣ такъ медлительно идутъ къ концу работы.
Намъ можно отъ трудовъ
Черезъ полвѣка ждать плодовъ;
А въ старости глубокой, хилой,
Приличнѣе всево знакомиться съ могилой.
Друзья! смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ,

Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ,
А естьли отъ трудовъ, которы начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То признаюсь,
За тѣ труды еще охотнѣе берусь.
Чему же вамъ дивиться?
Садъ этотъ разводя и тѣмъ я веселюсь,
Что естьли тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится.
Да льзя ли и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ ково переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ! въ старости моей, прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей, я провожалъ въ могилу.
Кто знаетъ, можетъ быть, что вашъ и ближе часъ.
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было;
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой щастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило,
Надежду и пловца все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ
Предавшися порока власти,
За роскошь нѣгу и за страсти,

Здоровьемъ, а по томъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркой день холоднова испилъ
И слегъ — его врачамъ искуснымъ поручили
А тѣ ево до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ.
Нашъ доброй старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XX.

ОРЕЛЪ и КУРЫ.

Въ день ясный, солнечный, желая прогуляться,
Орелъ подъ небесью леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся;
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для орла насѣстокъ не завидной;
Но у царей свои причуды есть;
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было въ близи ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю что за мысль; но только, что орелъ
Не много посидѣлъ
И подлѣ на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая насѣдка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой.
За что орлы въ чести такой?
Не ужъ ли заполетъ, голубушка сосѣдка?
Ну право естьли захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу,
Не будемъ же въ передъ такія дуры,
Чтобъ почитать орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;

Да ты же видѣла сей часъ,
Что по низу они летаютъ такъ какъ куры.
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
Ты права только не совсемъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ ни когда съ орлами не подняться
Когда поэтовъ судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XXI.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самой зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверткою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слезаетъ съ козелъ онъ
И лошадей мучитель
Съ лакѣемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ,
А легче нѣтъ — ползутъ изъ колымаги вонъ.
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель;
Но знать рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади хотя ево тронули;
Но въ гору по песку едва, едва тянули.
Случись тутъ мухѣ быть — какъ горю не помочь?
Вступилась; ну жужжать во всю мушину мочь,
Во кругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной;

То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или оставя лошадей
И въ доль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну словно откупщикъ на ярмонкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто,
Ни какъ помочь не хочетъ:
Лакѣи гуторя плетутся въ слѣдъ шажкомъ,
Учитель съ барыней болтаютъ вздоръ шишкомъ,
Самъ баринъ позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ;
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать на ужинъ.
И муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна. —
Межъ тѣмъ лошадушки шагъ за шагъ, понемногу
Встащилися на ровную дорогу.
Ну! муха говоритъ, теперя слава Богу! —
Садитесь по мѣстамъ и доброй всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть,
Меня на силу крылья носятъ.
Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть —
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XXII

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани какъ худо!
Я вамъ скажу примѣръ тому изъ дальныхъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все они перенимаютъ;
Такъ въ Африкѣ гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ на травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него, такъ право нѣтъ конца.
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ ни ногъ.
Ужъ мы-ль на все не мастерицы!
А этаго у насъ искуства не видать

Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ кажется себя довольно позабавилъ;
Авось, уйдетъ; тогда мы тотчасъ... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти тутъ оставилъ.
Чтожъ время говорятъ терять!
Пойдемъ-ка попытаться? —
Красавицы сошли — для дорогихъ гостей,
Разослано въ низу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ они кувыркаться, кататься
И кушаться и завиваться
Кричатъ, шумятъ, веселье хоткуда. —
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться.
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками;
Они чтобъ на утекъ;
Да ужъ ни кто разпутаться не могъ
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXIII.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливой дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродной, одинакой,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ складно ни пиши;
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны! что и говорить!
А все прискучится какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ, толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.

Въ лѣсу ково набресть
Кромѣ волковъ или медвѣдей.
И точно встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;

Н дѣлать нечево, снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ;
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору.
Иль присказокъ иль шуточекъ какихъ
И какъ бѣседа шла у нихъ;
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ,
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ,
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится
И Мишинькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркой побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ и по горамъ;
А такъ, какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чемъ Мишинька усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя говоритъ, какъ пушной Мишка, другу:

Прилягъ-ко братъ и отдохни,
Да коли хочешь такъ сосни ;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ , легъ , зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ ,
А муха на щекѣ — согналъ — а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишинька не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ въ лапы сгребъ ,
Присѣлъ на корточки не переводитъ духу,
Самъ думаетъ , молчижъ ! ужъ я тебя вострухy! —
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ лобъ.
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ въ розь раздался
И Мишинъ другъ лежатъ на долго тамъ остался.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина
XIX-21489
КП-107470 ИНВ. №W-10561 8606-63

Пр
Да
А я постер
Пустын

Да
А Миша на
У
Он

А муха на
У
И н

Вотъ Мишин
Увѣсистой
Присѣлъ на
Самъ думает

И у друга на
Что сил

Ударъ такъ

И Мишинъ

ъ,
лъ,

ва

с-

въ
ъ.
зь
ся
лъ
я.

Colour Chart #13
Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black
DANES PICTA .COM
Кп-107470

1568
20 руб